

Александр II. Жизнь и смерть

Автор:

Эдвард Радзинский

Александр II. Жизнь и смерть

Эдвард Станиславович Радзинский

История Александра II – заключительная часть трилогии «Три царя». Последний царь Николай II, первый большевистский царь Иосиф Сталин и, наконец, последний великий русский царь Александр II – ее герои. Отцы и жертвы великой исторической драмы, разыгравшейся в России в конце XIX – первой половине XX века.

Эдвард Радзинский

Александр II. Жизнь и смерть

Предисловие

Воспоминание о будущем

История Александра II – заключительная часть трилогии «Три царя». Последний царь Николай II, первый большевистский царь Иосиф Сталин и, наконец, последний великий русский царь Александр II – ее герои. Отцы и жертвы великой исторической драмы, разыгравшейся в России в конце XIX – первой половине XX века.

Мы до сих пор ищем ответы на мучительные вопросы: почему от царя, названного русской Историей «Царем-Освободителем», уничтожившего постыдное русское рабство, реформировавшего всю русскую жизнь, к концу его правления отвернулось русское общество? Почему плодом первой русской перестройки стала могущественнейшая террористическая организация, до той поры невиданная в Европе? Почему великого реформатора убили дети его же перестройки?

Но загадки того времени касаются не только России. Русский террор, родившийся во времена Александра II, предвосхитил террор нашего века. И в нынешних газетах можно прочесть те же фразы, те же идеи, которые волновали давно истлевших в земле русских террористов в дни Александра II.

Они – были первыми! И даже понятие «война с террором» принадлежит все тому же Александру II – его времени.

Так что банальнейший, но (увы!) вечный афоризм: «Основной урок Истории заключается в том, что люди не извлекают из Истории никаких уроков» явился эпиграфом и к этой книге. Впрочем, как и запись в дневнике брата царя, великого князя Константина Николаевича:

«Может быть, это самая важная эпоха в тысячелетнем существовании России».

Вступление

«Цезарь, бойся мартовских ид»

Слова, прозвучавшие две тысячи лет назад в Древнем Риме, стали опасным пророчеством и для русских кесарей...

Величайший и ужаснейший из московских царей Иван Грозный умрет в марте – возможно, отравленный...

11 марта 1801 года был убит император Павел I.

В марте отречется от престола последний русский царь Николай II. Март станет концом трехсотлетней династии.

И первый большевистский царь Иосиф Сталин умрет также в марте месяце, возможно, убитый соратниками.

И сейчас на нашем календаре 1 марта 1881 года... И произойдет это событие – одно из самых таинственных в русской истории.

Петербург. 2 часа 15 минут... Император Александр II выходит из Михайловского дворца, где был в гостях у своей кузины.

Императору в следующем месяце должно исполниться шестьдесят три года. Но царь – еще молодец! В шинели с бобровым воротником на красной подкладке, в золотых эполетах с вензелем его отца – высок, прям, гвардейская выправка. Последний красавец-царь романовской династии.

Карета стоит на пандусе, на фоне мраморных колонн дворца, окруженная небывалой для русских государей охраной. Шестеро казаков верхом на лошадях окружают карету, еще один казак сидит на козлах вместе с кучером, и за каретой следуют еще двое саней – с охраной.

Императорский поезд – карета и двое саней – отъезжает от Михайловского дворца. Весело скачут лошади, стремительно несется карета, так что сани охраны с трудом поспевают за ней.

Карета поворачивает на Екатерининский канал, и вместе с ней сейчас повернет и русская История.

Наша Северная Венеция еще покрыта мартовским снегом... Снег – на булыжной мостовой вдоль канала. Народу совсем мало: мартовский петербургский ветер, пробирающий до костей, сдул с канала гуляющую публику. По тротуару прогуливаются полицейские – они должны охранять проезд императорской кареты.

Но они почему-то не замечают молодого человека, спешащего навстречу карете. Он явно нервничает, и в руке у него что-то подозрительное, величиной с тогдашнюю коробку конфет «Ландрин», завернутое в белый платок.

Молодой человек подождал приближающуюся карету и швырнул сверток под ноги лошадям.

Эхо мощного взрыва прокатилась по каналу.

На булыжной мостовой лежит убитый – один из казаков, охранявших карету, рядом с мертвецом кричит, корчится в муках мальчик, несший корзину с мясом... Кровь, обрывки одежды на покрытом снегом булыжнике.

Императорский поезд останавливается. Государь, невредимый, выходит из кареты. Поздно бросил бомбу молодой человек – видно, сильно нервничал.

И дальше начинается непонятное... И охранники, и государь знают, что бомбист наверняка не один. И кучер, и охрана умоляют государя побыстрее уехать с канала. Но к полному изумлению охраны, государь, переживший к тому времени уже несколько покушений, совсем не торопится уехать! Напротив, он начинает странно расхаживать вдоль Екатерининского канала...

Будто чего-то ждет.

И в этот загадочный миг мы на время оставим – и государя, и Екатерининский канал.

Часть первая

Великий князь

Глава первая

Родословная героя

«Рок суровый»

Отцом нашего героя был великий князь Николай Павлович – один из братьев правившего тогда императора Александра I, его матерью – старшая дочь прусского короля Вильгельма III, Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина. Приняв православие, приняла она и новое имя – Александра Федоровна.

Наш герой был рожден в Москве, в Кремле – в «чудный весенний день 17 апреля 1818 года... на Святой неделе, когда колокола своим перезвоном славили праздник Воскресения Христова», – вспоминала в своих мемуарах его мать.

Но несмотря на счастье и праздник, мать нашего героя добавила вслед за этим удивительные слова: «Помнится мне, что я почувствовала тогда нечто важное и очень грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда стать императором».

Не зря так грустит вчерашняя немецкая принцесса при мысли, что ее сын может стать императором бескрайней страны. И не зря будущий воспитатель нашего героя, знаменитый поэт Василий Жуковский, в стихах воспевавший его рождение, провидчески советовал младенцу «не трепетать, встречая Рок суровый».

Кровь и насилие сопровождали историю его предков, царей из династии Романовых. И убийство собственных государей стало тайной русской традицией в XVIII веке. Частью родословной нашего героя.

Походы гвардии на дворец царей.

Кухарка-императрица

Все началось с двух событий, вначале совсем не связанных.

В самом конце XVII века прапрадед нашего героя, Петр Великий, создал российскую гвардию. И событие второе: в самом начале XVIII века наш великий император начал завоевание Прибалтики.

Именно тогда и случилась история, перед которой меркнут все сказки о Золушке. Пожалуй, это была самая волшебная история волшебного XVIII века.

В Лифляндии, в убогой комнатухе в доме пастора Глюка жила прехорошенькая кухарка Марта, дочь лифляндского крестьянина. Марта была замужем, хотя и жила без мужа. На ней женился заезжий шведский драгун. Хитрец побаловался с хорошенькой кухаркой и уехал воевать. Но так и не вернулся – то ли погиб, то ли забыл о Марте. Так и постарела бы наша красотка, стряпая и стирая в пасторском доме, если бы... Если бы не пришли русские войска и не попала Марта в русский плен.

И далее начался волшебный путь вчерашней кухарки – сначала это была постель командующего, графа Шереметева. Потом ее пышное тело укладывается в кровать повыше – к всесильному фавориту Петра Великого князю Меншикову. А оттуда был прямой (и весьма частый) путь – в царскую постель.

По поводу этого события был даже нарисован тогда лубок. На нем был изображен царь, восседавший за пиршественным столом. И вельможа подводил к царю грудастую, дебелую красавицу. Подпись гласила: «Верноподданный уступает царю самое дорогое». Так что не прошло и года, как кухарка Марта вместо кухни пастора оказалась в царском дворце.

Обычно все эти минутные пассии быстро исчезали из спальни пылкого Петра. Но Марта осталась в ней навсегда. Прелести красавицы и ее добрый характер сотворили невероятное: император Всероссийский женился... на вчерашней кухарке. Марту крестили, и под именем Екатерины Алексеевны Петр короновал ее императрицей.

В 1725 году Петр опасно заболел. У постели умирающего царя собрались ближайшие вельможи. По стойкой легенде, великий император коснеющим

языком успел только сказать: «Отдайте все...». Но кому отдать, он сказать не успел.

В миг важнейшего повеления насмешливая Смерть забрала всеильного царя!

Пока обряжали тело, вельможи собрались в соседней дворцовой зале – решить, кому отдать «все», то есть величайшую империю, протянувшуюся на полсвета – от Балтики до Тихого океана. И вот тогда в той же зале они с изумлением увидели... гвардейских офицеров! Это пришли командиры гвардейских полков, созданных Великим Петром.

На возмущенные вопросы вельмож «Как посмели?!», ответом была барабанная дробь... с улицы! И, выглянув в окно, вельможи увидели гвардейцев, собравшихся во дворе. Все выходы из дворца оказались заняты гвардией. И гвардейские командиры выкрикнули бывшую кухарку императрицей Всероссийской Екатериной I. (Появиться бы в это время драгуну – первому мужу новой императрицы!)

Весело правила Екатерина I. От новой императрицы осталась дворцовая расходная книга. В ней траты на шутов и пиры вполне соразмерны с расходами на все государство.

Вот так в XVIII веке на политическую арену вышло детище Великого Петра – гвардия. И весь век с нее не уходила.

И уже вскоре удалая гвардия сотворила еще одну императрицу.

Второй поход гвардии.

Императрица-нимфа

После смерти Екатерины I ее дочь Елизавета «жила в полнейшем ничтожестве». Постаревшие сподвижники Петра Великого пригласили править страной потомков родного брата Петра Великого – Ивана.

В Россию приехали принц и принцесса Брауншвейгские. Императором был объявлен их сын, младенец Иоанн Антонович. А так как он еще в колыбельке лежал, правительницей при несмышленише стала его мать – принцесса Анна Леопольдовна.

Не понимали пришельцы из Брауншвейга, как опасна наша гвардия. Но дочь Великого Петра понимала.

Елизавета была рождена до брака матери с императором. И лишь после брака была привенчена — объявлена законной дочерью Петра. Дитя любви была чудо как хороша. Копна рыжих волос, божественная фарфоровая кожа с легким розовым румянцем. И формы самые что ни есть соблазнительные – великолепный рост, высокая грудь, стройные длинные ноги. Некий немецкий дипломат, увидев ее, упал в обморок от ее красоты.

Была она безумна в страсти. Кровь Марты бросала ее в объятия простолюдинов. Казак Розум, красавец-певчий, которого она увидела в придворной церкви, сразу завладел ее сердцем. Елизавета превратила безродного казака Розума в графа Разумовского, и он стал ее любовником на долгие годы.

На портретах бросается в глаза крепкий волевой подбородок нимфы – подбородок ее беспощадного отца! Отдаваясь любви, рыжекудрая Елизавета не забывала о власти. Истинная дочь Петра не захотела жить в забвении. Волевой подбородок потребовал – рискнуть. И она обратилась к гвардии.

Холодной ноябрьской ночью 1741 года по Невскому проспекту ехали сани, окруженные тремя сотнями гвардейцев. А в санях... наша нимфа!

Сани направлялись к царскому дворцу.

По пути во дворец гвардейцы весело арестовывали полусонных вельмож, живших на дворцовой набережной. Так, с шутками и прибаутками, они отправили из постели в тюрьму главных сподвижников правительницы Анны Леопольдовны.

Приближаясь ко дворцу, чтобы избежать лишнего шума, нимфа покинула сани. И гвардейцы на руках понесли нашу красавицу ко дворцу. На крепких руках гренадеров явилась Елизавета в безмятежно спящий дворец. Когда караульный попытался ударить в барабан – вспороли барабан шпагой. Дворцом овладели без сопротивления.

– Пора вставать, сестрица! – разбудила Елизавета правительницу империи. Ночная революция победила. Законную правительницу отправили в крепость вместе с семейством. Младенца-императора наша нимфа взяла с собой в сани. Ребенок заливался смехом, радостно тянул ручки к гвардейцам. Елизавета целовала его: «Бедное дитя!». И, вздохнув, отправила «дитя» в вечное заточение – в Шлиссельбургскую крепость. И вчерашний император Всероссийский (этакая русская версия французской «Железной маски») вырастет в тюремной камере, не зная, кто он, за что попал в камеру. Там, в крепости (уже при Екатерине Великой), его и убьют охранники, а несчастные его родители сгниют в заточении.

На следующее утро Елизавета объявила себя императрицей и... полковником гвардейского полка. Она уважала гвардию.

Вот так наша гвардия совершила второй победоносный поход на царский дворец. Но, оказалось, совсем не последний.

Открытие прабабушки нашего героя

Императрица Елизавета I правила страной, как русская помещица – своевольно и взбалмошно, жестоко и одновременно добро.

Законного супруга и детей у нашей нимфы не было. И Елизавета придумала сделать наследником престола своего племянника. Это был сын ее старшей сестры и голштинского принца – Карл Петр Ульрих, в православии ставший именоваться великим князем Петром Федоровичем.

Елизавета подыскала ему жену – немецкую принцессу.

Софья-Фредерика-Августа была дочерью одного из бесчисленных немецких принцев на службе у Фридриха Великого.

Маленькую Софью отправили в далекую Россию. По пути в Петербург ее везли через Ригу. Там, в тюремном замке, под стражей содержалось несчастное брауншвейгское семейство, свергнутое императрицей Елизаветой.

Тень гвардейского переворота встретила эту впечатлительную и умненькую девочку уже на границах России.

В Петербурге вчерашняя лютеранка Софья-Фредерика, приняв православие, становится великой княгиней Екатериной Алексеевной.

Так начинается русская жизнь этой 14-летней девочки – будущей императрицы Екатерины Великой, прабабки нашего героя.

Впоследствии она расскажет о своей тогдашней жизни в знаменитых «Записках», которые прочтут после ее смерти все последующие цари из дома Романовых. И, как мы узнаем далее, прочтут с ужасом.

Неравнодушным женским взглядом описала Екатерина красоту императрицы Елизаветы, и конечно же, предмет всеобщей зависти – несравненные стройные, длинные ноги императрицы. Обычно они были сокрыты ужасным кринолином и юбками. Но нимфа, ставшая императрицей, придумала, как явить миру свои прелести. Как описывает Екатерина, во дворце устраиваются ночные маскарады, на которые императрица велит дамам являться в мужских нарядах. И тогда все ее фрейлины превращаются в жалких пухленьких коротконогих мальчиков, а сама Елизавета царит над ними высоким длинноногим красавцем.

Но маленькая Екатерина постепенно понимает истинную причину этих ночных маскарадов. Страх гвардии — память о ночной революции – скрывает это длящееся до рассвета дворцовое веселье.

И история захватившей власть Елизаветы становится искушающим примером для умненькой девочки. Уже в 15 лет, поняв ничтожность своего супруга,

Екатерина начинает подкупать придворных подарками – создает свою партию.

И учится, учится у императрицы ее беспощадности.

Елизавета умело шла к цели. И шла к ней до конца, как ее отец. Затеяв войну с самим Фридрихом Великим, императрица положила тысячи солдат на поле боя.

Но в бесконечных неудачных битвах добилась главного – обескровила армию Фридриха. Нимфа уже приготовилась добить величайшего полководца Европы, но... Опять все та же насмешница – смерть! – заберет Елизавету накануне великой победы.

При этом, решавшая судьбы Европы, императрица оставалась малограмотной русской помещицей. Она была уверена, что в Англию можно проехать сухим путем. И, будучи безумно отважной, была до смешного... боязлива! Однажды в присутствии Екатерины императрица с привычным бешенством распекала своего министра. И, чтоб смягчить ее опасный гнев, появился шут с ежом. Увидев издали ежа, императрица побледнела. И с безумным криком: «Это же мышь! Это самая настоящая мышь!» – императрица всея Руси, подхватив юбки, пустилась наутек! Громившая Великого Фридриха и своих вельмож, Елизавета до смерти боялась мышей!

Но, наблюдая эти нелепости в поведении императрицы, маленькая Екатерина помнила главное: Елизавета сумела захватить престол. Изучая потаенную историю России, умненькая девочка открывает главный закон империи: неограниченное самодержавие в России, оказывается, ограничено. Ограничено волею гвардии. Так же, как в Древнем Риме, когда преторианские гвардейцы сажали на трон всесильных цезарей. Так что недаром русское царство гордо называло себя Третьим Римом.

Но несчастный муж Екатерины Петр этого не понял.

Третий поход гвардии на дворец – галантный

Муж Екатерины, император Петр III (прадед нашего героя), вступил на престол после смерти тетки.

Петр и Екатерина были первыми из династии Романовых, кто въехали в только что отстроенный Зимний дворец. (Покойная императрица Елизавета приказала построить этот дворец итальянцу Растрелли, но пожить в нем так и не сумела.)

Новый Зимний дворец станет домом-символом царей из династии Романовых.

Построенный на набережной вечно бунтовавшей реки Невы, он обращен парадными залами и главным фасадом к реке и Петропавловской крепости.

В этой крепости хоронили царей, в ее казематах сидели опаснейшие враги династии. Этот странный вид из царского дворца – на тюрьму и родовое кладбище – озадачивали впоследствии иностранных путешественников. Впрочем, не только их. Племянник героя нашей книги, великий князь Александр Михайлович (которого впервые поселили в Зимнем дворце), вспоминал: «Мы приехали в Петербург в период обычных туманов, которым позавидовал бы Лондон.

– Ваша комната приятна тем, – объяснил нам наш воспитатель, – что, когда туман рассеется, вы увидите напротив, через Неву, Петропавловскую крепость, в которой погребены все русские государи.

Мне стало грустно. Мало того, что предстояло жить в этой столице туманов, но еще недоставало этого соседства мертвецов!».

Для мужа Екатерины, императора Петра III, этот вид на тюрьму явился роковым предзнаменованием.

На портретах прадед Александра II Петр III изображен мощным воином в доспехах. На деле молитвенно обожавший армию император Петр III был слаб, тщедушен и... добр! Жалостливый император, вступив на престол, тотчас вернул из ссылки все жертвы прошлых переворотов – жертвы походов гвардии на дворец.

Был устроен великолепный бал для вернувшихся из сибирских ссылки. Все эти вчерашние временщики, великие интриганы, любовники прежних императриц, погубившие друг друга, теперь танцевали вместе в тысячеметровом мраморном Белом зале Зимнего дворца.

И один из возвращенных сказал новому императору: «Вы слишком добры, Ваше Величество. Русские не понимают доброты, здесь надо править или кнутом, или топором, только тогда здесь все довольны».

И другой возвращенный сказал Петру III то же: «Ваше Величество, доброта вас погубит!»

Но прадеда нашего героя погубила не доброта. Его погубило пренебрежение к гвардии. Простодушный император жестоко заблуждался: он искренне верил в неограниченность русского самодержавия. И творил то, что хотел.

Он мечтал послужить тому, кто был его кумиром и кумиром всей просвещенной Европы – Фридриху Великому. В то время как русская армия приготовилась добить прусского короля, он повелел немедленно заключить с ним мир.

И вскоре в гвардейских казармах поползли слухи: император решил покончить с русской гвардией, распустить ее и набрать новую гвардию на своей родине, в Голштинии. Слухи, губительные для императора.

Кто распускал эти слухи, вычислить было нетрудно. В это время Петр III и его жена Екатерина стали врагами... И прадед, и прабабка нашего героя уже плели заговор друг против друга. Он готовился отправить ее в монастырь, а она его – на тот свет.

Но Екатерина оказалась куда способнее.

В Зимнем дворце она тайно принимала любовника – гвардейца Григория Орлова. У ее любовника было четверо братьев, и все – удалые храбрецы и любимцы гвардии. Через постель Екатерина присоединила к заговору всю гвардию.

Маленькое тело прабабки Александра и великолепное тело красавца-гвардейца... Правда, чуть не подвела шутка ее яростной плоти – Екатерина забеременела. Петр узнал об этом через шпионов. И решил подстеречь роды – уличить жену в измене и заточить в монастырь... Но когда приблизились роды, Екатерина велела камердинеру поджечь его собственный дом. Ребячливый Петр обожал фейерверки и пожары. И вместе со свитой тотчас укатил смотреть на любимое огненное зрелище... А в это время новорожденного, завернутого в бобровую шубу, уже вынесли из дворца. И когда Петр вернулся, истекавшая кровью железная маленькая женщина преспокойно встретила его... и даже угостила кофеем.

Наконец наступил день третьего (на этот раз – утреннего) переворота, устроенного гвардией.

Волею судьбы пришелся переворот на День ангела несчастного императора.

Екатерина жила тогда во дворце в Петергофе, а двор и император были в другом загородном дворце – в Ораниенбауме. Днем Петр отправился в Петергоф навестить супругу по случаю своего праздника. Но в Петергофе Екатерины не оказалось.

Ранним утром гвардеец Алексей Орлов, родной брат ее любовника Григория, примчал за Екатериной карету из Петербурга.

Алексей Орлов – великан, ударом кулака убивавший быка, знаменитый дуэлянт и Дон-Жуан. Как сказал о нем современник: «Я не поручил бы ему ни жены, ни дочери, но я мог бы свершить с ним великие дела».

Алексей Орлов нашел Екатерину в постели. Гвардеец разбудил ее знаменитыми словами: «Пришла пора тебе царствовать, матушка».

Но Екатерина колебалась.

И тогда (как гласит легенда) Алексей Орлов «влил в ее матку великую решительность».

И вот уже карета с удалым Алексеем Орловым на козлах мчит прабабку нашего героя в Петербург. В столице уже ждала ее все та же гвардия. И гвардия единодушно присягнула вчерашней немецкой принцессе. Детище Петра Великого – славная гвардия – радостно приготовилась свергнуть внука Петра Великого!

И состоялся этот невиданный поход – совсем в стиле века, который именовался галантным. На коне, в гвардейском мундире, в шляпе, украшенной дубовыми листьями, очаровательная Екатерина. Она возглавила марш императорской гвардии против императора всея Руси.

Рядом с ней еще одна красотка в мундире – юная сподвижница Екатерины княгиня Дашкова.

Несчастный прадед Александра тотчас потерялся. Вокруг немедля началось бесстыдное бегство придворных. Но знаменитый фельдмаршал Миних остался ему верен. Этот семидесятилетний вояка предложил отплыть в Кронштадт – в неприступную морскую крепость. В Кронштадте отсидеться, собрать верные войска и оттуда идти отвоевывать Петербург. Петр был в восторге. Он так же легко воодушевлялся, как и впадал в отчаяние... Снарядили галеру и маленькую яхту. На эти суда посадили остатки перепуганного двора – всех, кто еще не успел убежать. Дамы в роскошных платьях, кавалеры в парадных мундирах – все это общество, сверкающее драгоценными камнями и золотом, поплыло к крепости Кронштадт. Но великая прабабка нашего героя уже все предусмотрела – Кронштадт был захвачен ее сторонниками. И солдатня со стен крепости велит убираться прочь законному императору.

И Петр тотчас теряет волю – рыдает.

Старый фельдмаршал, объятый негодованием, стыдит его: «Неужели Ваше Величество не сумеет умереть, как император, перед своим войском! Если вы, Ваше Величество, боитесь сабельного удара, возьмите в руки распятие, и они не осмелятся вам навредить!»

Но император не хотел умирать, он послушно сдался!

Екатерина заточила супруга на очаровательной мызе Ропша. Она сохранила письма арестанта-императора из заточения. Впоследствии его правнук – наш

герой – прочтет их.

В этих письмах император всея Руси «нижайше молит» разрешить ему справлять нужду без охраны, «нижайше просит» разрешить прогулку... Свои письма к жене – прусской принцессе, узурпировавшей трон его предков, он униженно подписывает: «Ваш слуга Петр».

Но Екатерина не отвечает – видно, ждет, когда тюремщики догадаются, чем следует закончить эту галантную революцию. И они догадались.

Что произошло той ночью? Есть много версий. Вот одна из них, наиболее вероятная:

«Алексей Орлов, родной брат любовника Екатерины, гигант с жестоким шрамом через всю щеку, два метра росту, поднес вчерашнему императору бокал с вином и ядом. Несчастный выпил, и пламя тотчас распространилось по его жилам. Все это возбудило в свергнутом Государе подозрение, и он отказался от следующего бокала. Но они употребили насилие, а он против них – оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, они повергли его на землю и схватили его за горло. Но так как защищался он всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избегали нанести ему раны... (ведь надо было потом выставить для прощания его тело. – Э.Р.), они набросили ружейный ремень на шею императора. И Алексей Орлов обоими коленями встал ему на грудь и запер дыхание. И он испустил дух в руках их».

В Петербурге объявили, что император «скончался от геморроидальной колики». В Европе фраза стала нарицательной. И впоследствии, когда Екатерина пригласила в Петербург Д'Аламбера, знаменитый французский энциклопедист отказался. И написал Вольтеру: «Я подвержен, к сожалению, геморрою, а в России эта болезнь, судя по всему, смертельна».

И, как возмездие, сама великая прабабка Александра будет умирать жалко... Удар настиг ее в туалете. С трудом слуги выволокли ее из уборной. Тело было тяжелое, а слуги постарели вместе с ней.

Императрицу уложили в ее комнате на полу, на матрасе, врачи запретили ее тревожить... И на этом жалком матрасе, на дворцовом полу будет умирать Великая повелительница. От французских энциклопедистов, Вольтера, Фридриха Великого, всех европейских монархов до крымского хана и кочующих киргизов – все умы были заняты этой женщиной. Нити главной политической игры в Европе были в ее руках... «И когда она дергала, Европа содрогалась, как картонный паяц», – писал современник. Прав был ее вельможа, который гордо говорил: «Ни одна пушка в Европе без нашего на то дозволения выстрелить не смела!»

И вот она умирала – на полу... «Не собирайте себе сокровищ на земле...» Около нее осталась только верная служанка. Императрица громко хрипела. И этот хрип был слышен в соседней комнате, где ее сын, дед нашего героя, новый император Павел I, придумал устроить себе кабинет. И придворные, устремившиеся теперь в кабинет нового владыки, пробегали мимо спальни беспомощной властительницы. И из любопытства открывали дверь и нагло глазели на умирающую...

В одиннадцатом часу в кабинет Павла вошел доктор-англичанин и сообщил, что императрица кончается.

В спальне Екатерины горело всего несколько свечей. В полумраке Павел и придворные ждали самого таинственного мига. Часы ударили четверть одиннадцатого, когда великая прабабка нашего героя испустила последний вздох – отправилась на Суд Всевышнего.

«Династия, загадочная для самое себя»

Все бумаги покойной императрицы были собраны в ее Секретном кабинете. Именно здесь ее сын император Павел I и нашел большой запечатанный конверт с надписью: «Его императорскому Высочеству Павлу Петровичу, любезнейшему моему сыну». В конверте находились «Записки Екатерины» – мемуары его матери... И, конечно же, он начал читать их немедленно.

И уже вскоре читал с ужасом.

С бесстыдной откровенностью, в духе Руссо, Великая императрица писала о своей жизни... Главным героем «Записок» Великой императрицы был несчастный, погубленный ею муж. Она беспощадно описывала Петра III – жалкий, инфантильный, постоянно влюбляется в каждую новую фрейлину... «исключением остается только его собственная жена»... Он не спит с Екатериной, потому что попросту не знает, как это делать. Поэтому в течение 9 лет она не может родить наследника. Но наследник необходим. Этого требуют интересы империи. И тогда приставленная к ней фрейлина сообщает Екатерине от имени потерявшей терпение императрицы Елизаветы:

– Бывают положения, когда интересы высшей важности требуют исключения из всех правил...

И она предлагает Екатерине самой выбрать себе любовника – для рождения наследника. И она выбирает... И вскоре рождает сына – будущего императора Павла I!

Можно представить ужас Павла после чтения материнских «Записок». И Павел положил «Записки» в большой конверт и навсегда запечатал их своей печатью... Когда на престол вступил Николай I, отец нашего героя, то первым делом он прочитал «Записки». И, назвав Великую Екатерину «позором семьи», запретит читать постыдные «Записки» даже членам романовского семейства.

Наш герой, Александр, прочтет их, только став императором, после смерти отца. И на конверте с «Записками» появится надпись рукой Александра II: «Запечатать до востребования».

Видимо, и он пришел в ужас: значит, они не Романовы?!

Тайна его династии

Но в Секретном кабинете Екатерины среди ее бумаг остался обрывок письма, который она забыла уничтожить. Это письмо от ее несчастного мужа.

Петр III писал: «Мадам, я прошу Вас не беспокоиться, что эту ночь Вам придется провести со мной, потому что время обманывать меня прошло... Кровать стала слишком тесной для нас двоих. После двухнедельного разрыва с Вами, Ваш несчастный супруг, которого Вы не хотите достаивать этим именем...».

Здесь текст обрывается, но зато сохранилась дата. Письмо написано на следующий год после свадьбы. Значит?! Значит, он спал с нею! И никакого равнодушия к ней у Петра не было! Это она, видимо, испытывала к нему непреодолимое отвращение. Она не хотела с ним спать, а он страдал, но не смел из стыда пожаловаться тетке-императрице. И только когда Елизавета потребовала наследника, Екатерине, видно, пришлось победить отвращение. И она понесла сына. Так что скорее всего Павел I был законным сыном Петра III. Именно поэтому у Павла были внешность, характер и даже привычки отца! Именно потому Екатерина так не любила Павла, рожденного от ненавистного супруга! А всю историю про любовника, который будто бы являлся истинным отцом Павла, она скорее всего придумала. Чтобы после ее смерти сын не начал мстить за отца. И не преследовал ее сподвижников. Тех, кто удавил его отца и которых она так ценила. И не сеял тем самым смуту в государстве, которое и было, пожалуй, единственной истинной любовью этой женщины.

Так что и в «Записках» Екатерина осталась той, кем была всегда – Правительницей.

Но если все-таки там была написана правда?!

Тогда после «Записок» Великой императрицы Романовы стали навсегда тайной. Тайной для самих себя.

Страсти по прадеду

Вступив на престол, дед нашего героя Павел решил побороться с «Записками» матери. Для начала Павел приказал торжественно перезахоронить Петра III. Чтобы все увидели – сын чтит отца.

Петр III был похоронен в Александро-Невской лавре. Екатерина отказала ему в праве лежать в Петропавловском соборе, где должно покоиться русским государям.

И Павел приказывает перенести прах Петра III на законное место – в Собор.

Но сначала ночью в Александро-Невскую лавру в черных траурных каретах Павел привез все семейство. Гроб Петра III был поднят и открыт. Прадед нашего героя истлел – рассыпались его кости, сгнил мундир, остались только перчатки, ботфорты и шляпа, в которой покоился череп. Но Павел заставил всю семью приложиться губами к печальному праху. Сам Павел, красавица-жена, дети – все целовали страшный череп... Отцу Александра Николаю было тогда несколько месяцев от роду. Но и его, новорожденного, поднесли к открытому гробу.

После чего в Зимнем дворце были выставлены два гроба для прощания.

Екатерина II и Петр III вновь соединились – после смерти.

И наступил день перезахоронения удушенного императора. Прах Петра III должен был отправиться в Петропавловский собор – для нового упокоения. И Павел приказал вчерашнему убийце отца – графу Алексею Орлову нести вслед за гробом корону убитого им императора.

В лютый мороз медленно двигался катафалк. А позади него на подагрических ногах с короной на малиновой подушке шагал старый гигант со зловещим шрамом через все лицо... Многие тогда говорили, что этот шрам – след предсмертного отчаяния несчастного Петра III... Будто, погибая, Петр выхватил тесак у убийцы и оставил на его лице этот знак.

И двухметровый больной старик в лютый мороз шагал на своих подагрических ногах, но все-таки донес корону до Петропавловского собора.

Четвертый поход гвардии: табакеркой – государя

Какие страшные и... великие люди жили в тот век! Все тот же граф Алексей Орлов – он не только убийством государя прославился. В дни войны с турками командовал русской эскадрой. В Чесменской бухте в яростном сражении сжег весь турецкий флот. Это было самое кровопролитное морское сражение века.

Особые были люди. И дед нашего героя справедливо их страшился.

В центре столицы Павел воздвигнул Михайловский замок, окруженный неприступными стенами, со рвами, заполненными водой, и караулами гвардии.

Но, построив замок, дед Александра так и не смог понять до конца, как опасна наша гвардия. Как и его несчастный отец Петр III, Павел I верил в абсолютную силу самодержца.

Он жаждал управлять всем – запрещая. Он управлял танцами («запрещение танцевать вальс»), одеждой («запрещены сюртуки с разноцветными воротниками и обшлагами» – повелел, чтоб они были одного цвета), внешностью («запрещение всем носить широкие большие букли», «запрещение носить бакенбарды») и даже звуками («запрещено, чтобы кучера и фореиторы, ехавши, кричали»).

Гордо заявлял шведскому послу: «В России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю и пока я с ним говорю».

Но властелин миллионов подданных, хозяин обширнейшей империи забыл историю: его самовластие было ограничено. Не конституцией, не парламентом, но – удавками гвардейцев. Забыл он открытие своей матушки.

Будучи наследником престола, в своем дворце в Гатчине Павел создал свое карманное войско, как когда-то его убиенный отец Петр III. Его гатчинцы были воспитаны на той же строгой прусской дисциплине. И строгость гатчинской дисциплины Павел начал вводить в изнеженную екатерининскую гвардию. Со страстью, граничившею с безумием, он беспощадно карал екатерининских гвардейцев за малейшую небрежность – в форме или при маршировке. И теперь,

отправляясь на парад или в караул, офицеры брали с собой ассигнации. Потому что очень часто не угодивших ему гвардейцев Павел с плаца напрямик отправлял в полки на окраинах России. А порой «дамоклова кибитка», как назвал ее Герцен, беспощадно увозила их в Сибирь или в крепость.

В самом элитном конногвардейском полку из 132 екатерининских офицеров осталось... только двое! Все свое четырехлетнее царствование он будто мстил гвардейцам матери за гибель отца!

Но не понял он до конца фразы гордого генерала-гвардейца: «Вы горячи, и я горяч, нам вместе не ужиться». Не оценил.

И вот уже в гвардии составлен заговор.

Самое ужасное: дядя нашего героя, Александр, знал о заговоре против собственного отца. «Знал – и не хотел знать», – как скажет впоследствии граф Пален. Заговорщики пугали его неминуемым кровавым восстанием гвардии, коли на престоле останется отец, и его собственной гибелью по воле безумного Павла. Но они пообещали Александру: «Император останется невредим, его лишь заставят подписать акт об отречении». И после отречения, как писал один из ближайших друзей Александра, князь Адам Чарторыйский, Александр решил предоставить Павлу в полное распоряжение Михайловский замок, в котором низверженный монарх мог бы найти спокойное прибежище.

Как мог поверить Александр в эту мирную идиллию, зная судьбу несчастного Петра III?! Так что, точнее сказать, Александр заставил себя поверить. И все произошло, как и должно было произойти.

Перед тем как убить императора, гвардейцы собрались на веселый ужин.

Было выпито много вина. И в речах уже прозвучали страшноватые слова из далекого будущего. Например, лейб-гвардеец полковник Бибиков (его родственник возводил на престол Екатерину II) объявил, что нет смысла избавляться от одного Павла, но лучше «отделаться сразу от всей царской семьи». Но остальные заговорщики его не поддержали.

В полночь к потайному входу в Михайловский замок подошла толпа разгоряченных вином гвардейских офицеров. Среди них были последний любовник Великой Екатерины князь Платон Зубов и его брат Николай. Их вел любимый адъютант Павла. Заговор возглавлял граф Пален – другой любимец императора.

Заговорщики в парадных мундирах, со шпагами наголо ворвались в спальню Павла I. Но в спальне не было никого... С ужасом поняли: Павел сбежал, теперь всем им – конец! Пока офицеры пребывали в панике, один из жожаков, высокий, флегматичный генерал Леонтий Бенигсен, опершись на камин, неторопливо осматривал комнату. В углу огромной спальни стояли ширмы. И там, под ширмами, генерал и разглядел босые ноги самодержца. Несчастный Павел, услышав шум приближающихся гвардейцев, успел там спрятаться.

– *Le voilà*, – насмешливо сказал генерал Бенигсен и показал рукой на ширмы. И гвардейцы выволокли оттуда несчастного государя.

Как бывает с деспотами, он сразу стал жалок и беспомощен. Маленький, курносый, в белых кальсонах, в ночной рубашке с длинными рукавами, он был похож на испуганного мальчика. И тогда вся пьяная толпа набросилась на Павла... Он то неумело отбивался и просил пощады, то молил, чтоб дали время прочесть перед смертью молитву, то угрожал...

И, разгоряченный вином граф Николай Зубов, громадный, похожий на мясника, ударил со всей силы государя всея Руси в висок – углом массивной золотой табакерки. Павел упал на пол.

После чего генералы дали офицерам закончить дело. Братья Зубовы и Бенигсен торопливо покинули спальню. По одной из версий, француз – камердинер Платона Зубова сел на живот государя всея Руси. И двадцатилетний гвардеец-семеновец Яков Скарятин снял с себя офицерский шарф. И этим шарфом задушил самодержца Всероссийского.

По другой версии, «теснясь один на другого», императора душили всем скопом. А потом пьяные издевались над трупом – пинали сапогами бездыханное тело деда нашего героя.

И несчастному, задыхавшемуся от слез Александру пришлось объявить:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом, все будет как при бабушке.

И со всех сторон – победный крик гвардейцев: «Ура!»

Павла нарядили в гвардейский мундир, треугольную шляпу надвинули на лицо, чтобы скрыть постыдный синяк от удара табакеркой. И только тогда позволили проститься с мужем «жалобно рыдавшей императрице». Она «упала на тело императора и обняла его». Но все тот же генерал Бенигсен весьма решительно попросил ее «не затягивать сцены прощанья, которая может повредить драгоценному здоровью Вашего Величества».

Как и в случае с убитым Петром III, объявлено было, что император скоропостижно и мирно скончался. Тело императора выставили в Михайловском замке – для прощания. Но как писала мадам де Сталь: «В России все – секрет, но ничего не тайна». И петербургское общество ринулось поглядеть на скоропостижно умершего. Но тело выставили умело. Греч вспоминал: «Я раз десять ходил в Михайловский замок и смог увидеть только подошвы его ботфорт и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. Едва войдешь в дверь, указывали на другую: «Извольте проходить!»

Вот так дядя нашего героя, будущий победитель Наполеона, стал императором Александром I.

Новый император не посмел тронуть гвардейцев-цареубийц.

И гвардеец Скарятин, играя в карты, вешал свой офицерский шарф на спинку стула, и все гадали: тот ли это шарф, которым удушили отца нового императора. Генерал Бенигсен стал одним из командующих армией в войне с Наполеоном. И когда Александр будет клеймить Наполеона «кровожадным чудовищем», Бонапарт насмешливо напомнит царю о «подвигах его полководца в спальне его отца».

Семейный призрак

Имя зверски убитого Павла I было окружено легендами в романовской семье... В Гатчине, любимом дворце Павла I, была комната с забитой дверью.

Там хранилась кровать из Михайловского замка – с одеялами и подушками, окрашенными кровью Павла. И слуги утверждали, что не раз видели по ночам призрак убиенного императора, бродивший по парадным залам Гатчинского дворца. Призрак этот будто бы всегда появлялся перед роковыми событиями.

Маленький Александр, приезжая в великолепный Гатчинский дворец, мечтал увидеть призрак своего деда. И сестра последнего царя Николая II Ольга рассказывает в воспоминаниях, как они в детстве ночью бродили с Ники по гатчинскому дворцу, надеясь и боясь увидеть неприкаянную тень.

И отец нашего героя, великий князь Николай Павлович, в самый страшный свой день будто бы видел этот призрак.

Престол, которого никто не хотел

У убиенного императора Павла III было четверо сыновей.

Двое старших – погодки: Александр и Константин. И двое младших:

Николай (отец нашего героя) и Михаил.

В отличие от отца, маленького курносого Павла, Александр и Николай были атлеты – красавцы с медальными лицами. И в дальнейшем высокие красавцы-мужчины будут рождаться в романовской семье. Это жена Павла, плодовитая принцесса Вюртембергская, родившая Павлу восемь детей, принесла в романовскую семью красоту и стать Вюртембергской породы.

Между старшими и младшими братьями были почти два десятилетия разницы и пропасть в образовании.

Старших – Александра и Константина – Великая Екатерина отобрала у сына Павла. «Лучшая из бабушек» с младенчества руководила их образованием – сама придумала для них забавную азбуку, писала им сказки, проектировала «одежду, полезную для здоровья».

Даже воспитание детей Екатерина умело превратила в политический проект. Внуку Александру она мечтала передать престол вместо ненавистного сына Павла, Константину предназначала стать императором возрожденной Византии со столицей Константинополем (отсюда его имя!), которую задумала отвоевать у Турции. Россия и освобожденные балканские славяне должны были создать величайшую в мире – славянскую империю. Но свой проект великий политик осуществить не успела – императрицу хватил удар.

Однако убийство гвардейцами ненавистного ей Павла I посмертно осуществило мечту «лучшей из бабушек» – любимый внук вступил на престол и стал императором Александром I. И судьба уготовила Александру I победу над Наполеоном и всемирную славу.

Но чем старше становился победитель Наполеона, тем больше впадал в некую черную меланхолию. Убийство отца, участие в заговоре мучили. В 1819 году он прямо сказал брату Константину: «Должен сказать тебе, я устал и не в силах сносить тягость правителя». Это означало, что Константин (следующий по старшинству) должен был принять корону.

Константин любил убитого отца. Он был похож на Павла – такой же курносый с большими голубыми глазами. И был так же необуздан, горяч в гневе. Никогда не мог он забыть той мартовской ночи. Сразу после убийства императора в комнату Константина пришел вчерашний любовник его бабки, князь Платон Зубов. Константин спал, но Зубов грубо сдернул с него одеяло и, ничего не объясняя, заставил одеться. Константин решил, что его ведут убивать. Но его увезли из Михайловского замка в Зимний дворец, где заговорщики объявили его брата Александра императором.

Константин сказал тогда (конногвардейцу Саблукову): «Брат мой может идти царствовать, коли ему нравится. Но, если бы престол должен был перейти ко мне, я отказался бы!».

Престол, покрытый отцовской кровью, ужасал его. И потому на предложение брата Константин тотчас ответил, что готов «просить у него место второго камердинера... только бы не быть царем на троне!» И торопливо написал официальное отречение: «Не чувствую в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа...» и т. д.

Следующим по старшинству братом был Николай, отец нашего героя. Николай благоговел перед императором – победителем Наполеона и почитал Константина. В честь старших братьев он и назвал своих сыновей Александром и Константином.

Но Николая не готовили к трону. Его учили только военной муштре, и он преуспел в ней. Николая считали солдафоном в большой романовской семье. И, что куда опаснее, солдафоном считала его и могущественная гвардия.

В гвардии служили тогда многие столичные интеллектуалы и презирать «солдафона Николая» было модно. Так что император Александр понимал, как опасен престол для Николая.

Но выхода не было, и император Александр I отправился к отцу нашего героя. Царь не стал дискутировать, просто объявил младшему брату свою волю: в случае его смерти престол должен перейти к нему – Николаю.

Но император добавил: «Впрочем, это может случиться гораздо ранее. Я все чаще думаю сложить с себя обязанности и удалиться от мира. Европа нуждается в монархах молодых – в расцвете сил и энергии, а я уже не тот».

И мать нашего героя описала удивительную реакцию на это сообщение императора: «Мы слушали Государя, как два изваяния, с открытыми глазами и сомкнутыми устами...». Как и Константин, Николай пребывал в испуге... от предложения короны!

Он так же боялся престола, залитого кровью отца и деда!

И Александр I вынужден был его успокаивать: «Но минута, так вас устранившая, еще не наступила... может, пройдет еще 10 лет», – сказал он на прощанье и уехал.

«Мы были поражены, как громом... В слезах и рыданиях от этой ужасной неожиданной вести мы молчали...», – записала мать нашего героя.

Слезы и рыдания от ужасной вести, что придется... царствовать!!!

Вот так случился этот великий российский курьез. Во всем мире братья обычно боролись за корону, даже на преступление шли. Здесь братья мечтали только об одном – отдать великое царство. Таков был итог походов гвардии на дворец.

А дальше случилось то, что и должно было случиться: до Александра I начинают доходить сведения о заговоре в гвардии. Гвардия вновь собралась в поход на дворец!

В 1820 году начальник штаба гвардейского корпуса генерал Бенкендорф пишет «записку», точнее – донос императору об этом заговоре.

Случилось опаснейшее: победа над Наполеоном обернулась в головах офицеров-интеллектуалов поражением идеи самодержавия. Гвардейские офицеры принесли из Европы домой, в Россию, идеи Французской революции.

«Не смысля, как привести собственные дела в порядок... они хотят управлять государством», – писал императору Бенкендорф и приложил список заговорщиков.

Но царь поступил неожиданно. Александр I, этот царь-мистик, видно, решил, что пришло возмездие. Та самая гвардия, которая когда-то посадила его на трон, теперь решила его с трона согнать. И он отдает свою судьбу в Божьи руки.

Выразив сожаление, что заговорщики стали «жертвой того самого французского духа вольности, которым он сам так восхищался в молодости», император...

убрал донос в стол! «Я разделял и поощрял эти иллюзии, не мне подвергать их гонениям», – сказал он позднее.

Но это был совершенно новый заговор старой гвардии. Впервые за столетие в нем не участвовал никто из царской семьи. Как и в прежних заговорах, часть заговорщиков собиралась убить царя. Но не для того, чтобы, как прежде, посадить на трон своего императора. Но для того, чтобы вообще обойтись без царя... и объявить Республику!

Одним из главных заговорщиков был сын сибирского генерал-губернатора полковник Пестель. Он храбро воевал с Наполеоном. И этот русский Робеспьер, решивший основать Республику, ради безопасности будущей Республики задумал убить не только царя, но и всю царскую семью, чтобы исключить гражданскую войну. Впрочем, большинство заговорщиков были намного милостивее: они решили оставить императора на троне взамен его согласия на Конституцию.

Так в заснеженной России начался путь, который закончится гибелью династии, большевиками и великим расколом мира.

Однако дальнейшие сведения о заговоре заставили царя поторопиться с решением династических проблем.

16 августа 1823 года Александр написал тайный Манифест о престолонаследии. Наследником престола объявлялся отец нашего героя, великий князь Николай Павлович.

Но Манифест объявлен не был. В запечатанном конверте Манифест положили на секретное хранение в главном храме России – в Московском Успенском соборе, где венчались на царство русские государи. О Манифесте знал самый узкий круг лиц... Видимо, Александр все еще не терял надежды склонить Константина занять престол. Он не забывал, как относится к Николаю опасная гвардия.

Все это время Александр I почти не живет в России... Он участвует во всех съездах монархов, членов Священного союза – союза европейских монархов, воевавших с Наполеоном. Или бесцельно колесит по стране... «Он правит страной из коляски», – напишет современник. Император будто страшится столицы, где стоят опасные гвардейские полки.

В 1825 году «кочующий деспот» (так называл его Пушкин) отправляется в очередное скитание – в маленький городок Таганрог, чей южный климат должен был помочь слабым легким императрицы.

Уезжая из Петербурга глубокой ночью, император подъехал к Александро-Невской лавре. В темноте у ворот лавры его ждал черный ряд монахов во главе с митрополитом. Во время чтения Евангелия Александр I вдруг опустился на колени и просил митрополита положить Евангелие ему на голову... Он долго молился и, молясь, плакал.

Новая тайна

Приехав в Таганрог, император неожиданно и стремительно умирает. Осталось медицинское заключение врачей. Оно так туманно, что очень трудно понять, от какой болезни умер победитель Наполеона...

И тотчас после смерти Александра I в столицу приходит слух, который переживет столетие, – Александр I не умер. Вместо него в гроб положили другого, сам же император ушел в Сибирь странником – молиться и каяться в страшном грехе – в злодеянии против отца.

Когда гроб с телом покойного императора прибыл в Петербург, слух усилился. Ибо гроб не открыли во время традиционного прощания. Впервые двор прощался с покойным государем, не видя лица умершего. Даже убитых государей со следами насилия – Петра III и Павла I выставляли для прощания.

Придворным объявили, что от жары в Таганроге труп разложился. Но двор знал – покойного после смерти тщательно бальзамировали. И повторяли странные

слова видевшего труп князя Волконского, что «лицо императора, несмотря на бальзамирование, почернело и даже черты совсем изменились».

Только царская семья увидела гроб открытым... Прощание происходило в домово́й церкви Царского Села после полуночи. Священники были удалены из церкви, и в дверях поставлены часовые. В полумраке, при горящих свечах Романовы увидели лицо покойного императора. Присутствовал при этом таинственном прощании и наш герой, названный в честь умершего.

Маленькому Александру было тогда 7 лет.

Воскресший император

Через одиннадцать лет после смерти Александра I в Сибири появляется некий старец Федор Козьмич. Человек святой жизни, он будто бы происходил из крестьян. Но при этом знал дворцовые обычаи и в совершенстве говорил на иностранных языках. Из его рассказов становилось понятным, что он был в Париже вместе с победоносной русской армией.

Наиболее распространенный портрет таинственного старца имел поразительное сходство с Александром I, хотя он никогда не упоминал об Александре I. По мере роста его популярности и слухов, старец все реже выходил к посетителям, и дверь его кельи все чаще оставалась запертой.

В дневнике матери нашего героя осталась запись. Император Александр I, мечтая о своем грядущем отречении от престола, однажды сказал ей: «Как я буду радоваться, когда увижу вас проезжающими мимо меня, и я в толпе буду кричать вам «ура!», размахивая своей шапкой».

Простолюдин в толпе, снимающий шапку, – вот о какой жизни накануне загадочной смерти мечтал император.

Так возникла еще одна тайна в семье Романовых. И накануне падения династии великий князь Николай Михайлович записывает в дневнике свой разговор с

Николаем II все о том же старце Федоре Козьмиче.

До самого конца династии интересовала Романовых эта загадка.

Глава вторая

Наследник престола

Великий бунт воды

Итак, нашему герою всего 7 лет. Но два страшных воспоминания уже должны были навсегда остаться в памяти впечатлительного, нервного мальчика.

Это – бунт природы и бунт людей.

Восстание воды случилось в последний год царствования Александра I.

Наш герой и его семья жили тогда в Аничковом дворце, где с тех пор всегда будут жить наследник престола с семьей. И ноябрьской ночью в Петербурге произошло величайшее в истории столицы наводнение.

7 ноября в 7 часов вечера на башне Адмиралтейства напротив Зимнего дворца зажглись сигнальные фонари «для предостережения жителей». Ночью разразилась невиданная буря; порывы ветра сотрясали огромные окна в Аничковом дворце. Уже к утру разъяренная река Нева набросилась на город. Вода в Неве кипела, как в котле, и ветер гнал вспять течение реки; белая пена клубилась над водяной громадой. Гигантские волны свирепствовали на затопленной Дворцовой площади.

И сама площадь соединилась с Невою в одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом. Сам проспект превратился в широкую реку, текущую мимо их Аничкова дворца... Вода в этой «реке» стояла у балкона дворца. По

мраморным лестницам дворца бежали крысы из подвала. Прыгали, пищали, рвались вверх – в безопасность...

На большой двери мимо их окон плыла женщина с ребенком, и солдаты на лодке пытались подплыть к ней. Люди спасались на крышах домов, на фонарях. Из окна дома напротив выплывала целая библиотека. Книги прыгали в волнах перед их балконом. Летали листы железа – ураганный ветер срывал их с крыш домов.

Только через несколько дней, когда вода схлынула, отец повез Сашу смотреть город. Вся набережная перед Зимним дворцом была заполнена разбитыми кораблями.

На одном из кораблей стоял гроб, принесенный водой с кладбища.

Невиданный бунт воды оказался предзнаменованием. Через год случился столь же яростный бунт людей.

Корону перебрасывали, как мячик

Когда фельдъегерь из Таганрога привез в столицу весть о кончине Александра I, отец нашего героя тотчас вызвал к себе военного губернатора Петербурга – графа Милорадовича. Николай Павлович сообщил ему о секретном Манифесте покойного государя и о его последней воле – передать трон ему, Николаю.

Но Милорадович отлично знал настроение в гвардии. Гвардия не любит солдафона Николая. Знал он и о гвардейском заговоре. Ведь все заговорщики – «свои». Это представители знаменитых аристократических фамилий, блестящие офицеры, участвовавшие вместе с Милорадовичем в битвах с Наполеоном.

И граф осторожно предупредил Николая: «К сожалению, тайный Манифест никому неизвестен, а закон о престолонаследии – известен всем. И все знают, что, согласно этому закону, престол должен принадлежать Константину».

И отец нашего героя поспешно и, видно, с облегчением согласился с Милорадовичем. Николай торопливо велит привести к присяге Константину гвардию, Сенат, Государственный Совет. И присягает Константину сам... Так он боялся опасного престола.

Но все оказалось тщетным. Примчался фельдъегерь с письмом из Варшавы – Константин наотрез отказался быть государем. Он писал: «Мое прежнее намерение неподвижно». И требовал исполнить волю умершего царя, изложенную в Манифесте, – императором должен стать Николай.

И вновь поскакал фельдъегерь с письмом из Петербурга в Варшаву. Понимая, как странно будет выглядеть новая присяга, императрица-мать «на коленях закликает Константина приехать в Петербург и объявить гласно свой отказ от трона»...

И опять скачет курьер из Варшавы в Петербург. Но Константин отказывается приехать в столицу (так он боится, что в Петербурге его уговорят стать царем). И просит «любезнейшую родительницу» саму объявить о его отречении.

Пока курьеры на тройках, загоня лошадей, скачут между Петербургом и Варшавой, гвардейские заговорщики понимают: неразбериха с властью – лучший момент для переворота.

Наконец, 13 декабря (это был день рождения покойного императора) Николай решается выполнить его волю. Он соглашается принять корону.

«Какой день для меня, Великий Боже, решительный для моей судьбы», – записал в дневнике Николай. И в этот же день ему приносят закрытый конверт. «Раскрываю и узнаю – ужасный заговор. Нужно принимать решительные меры», – вспоминал Николай. Это опять была проклятая гвардия, убившая его предков! Он понимал, что ему грозит.

Так семилетний Саша становится официальным наследником престола. На следующий день – 14 декабря – в Зимнем дворце была назначена новая присяга – его отцу. В тот же день Николай написал сестре: «Молись за меня Богу...

Пожалей несчастного брата – жертву воли Божьей и двух своих братьев».

Ночью он пришел к жене и сказал ей слова, которые мать нашего героя записала в дневнике: «Неизвестно, что ожидает нас... Обещай мне быть мужественной и, если суждено, умереть с честью».

Призрак отца Гамлета

Накануне 14 декабря, дня присяги Николаю, шли тревожнейшие споры заговорщиков. Часть выступила против восстания – не верила в успех.

И один из них – граф Ростовцев – решился на отчаянный шаг. Он объявил заговорщикам, что обязан особенной благодарностью Николаю Павловичу. И теперь, «предвидя для благодетеля своего опасность, решился идти к нему – умолять его не принимать престола». Все увещевания заговорщиков были напрасны.

На другой день после встречи с царем Ростовцев доставил заговорщикам бумагу с заглавием: «Прекраснейший день моей жизни». Это было описание его свидания с Николаем Павловичем. Николай принял его ласково. Ростовцев предупредил царя, что «принять престол для него очень опасно». И «более ничего не сказал». Николай же не расспрашивал о подробностях. Поблагодарил и отпустил его.

Так открытием заговора Ростовцев попытался заставить товарищей отказаться от бунта. Но тщетно.

Теперь Николай знал точно – будет бунт. Но у него уже не было выхода, и он решился идти до конца. Вечером военный губернатор Петербурга Милорадович сказал приехавшему на коронацию принцу Вюртембергскому – родственнику Николая по матери:

- Тревожусь, ибо не жду удачи от завтрашнего дня. Гвардия любит Константина.

- При чем тут гвардия и удача? Ведь есть законное завещание покойного государя, - удивился принц.

Не знал принц, что наш закон о престолонаследии - это воля гвардии.

В это время заговорщики в казармах лихорадочно готовили к восстанию своих солдат. Про республику, о которой многие из них мечтали, солдатам говорить было бессмысленно. Когда один из заговорщиков объявил солдатам, что теперь у нас будет республика, солдаты тотчас поинтересовались: «А кто ж в ней будет государем?».

- Никто не будет.

- Батюшка, - сказали ему солдаты, - ведь ты сам знаешь, что это никак невозможно...

Как писал наш историк: «В России скорее могли представить страну без народа, чем без царя».

По легенде, в ту ночь Николай долго не мог заснуть. И за полночь мучимый бессонницей бродил по Зимнему дворцу. За ним шел камердинер с канделябром. И в свете луны в Белом зале увидели фигуру в ночной рубашке. Николай застыл в ужасе - это был отец. И уже в следующее мгновение несчастный Павел исчез - ушел сквозь стену.

Если бы эта легенда была былью, то именно тогда Николай должен был преисполниться удивительной решимости, которая не покидала его весь завтрашний страшный день. Для него эта встреча стала бы встречей Гамлета с отцовской тенью. Это был призыв к мести - наследникам той гвардии, которая убила его отца и деда.

Последний поход гвардии на дворец

Наступил один из переломных дней в русской Истории.

14 декабря гвардия не просто вышла в очередной поход на дворец.

Это был поход за Конституцией. Великий день для русских либералов.

Все дальнейшее Николай описал сам:

«В этот роковой день я встал рано. В Зимнем дворце собраны были все генералы и полковые командиры гвардии».

Николай прочитал им завещание покойного императора Александра I и акт отречения Константина Павловича...

«Получив от каждого командира уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привести гвардию к присяге».

Придворным «велено было» собраться в Зимний дворец к 11 часам. Пока собирались вельможи, Николай отправился в апартаменты матушки. Но был начеку. Ждал.

В это время уже началось! Заговорщики взбунтовали гвардейские казармы. Объявили солдатам, что законного императора Константина, которому они уже присягали, заставили силой отречься от престола.

И в одних сюртуках, несмотря на декабрьский мороз, разгоряченные речами офицеров (и еще более водкой) гвардейцы с заряженными ружьями бросились на Петровскую (Сенатскую) площадь – защищать права Константина...

Они выстроились на площади у здания Сената – в десяти минутах хода от Зимнего дворца. И знаменитый монумент Петра Великого на вздыбленном коне был повернут к ним спиной. Великий император будто убежал – скакал от них прочь.

Гвардейцы палили в воздух и кричали: «Ура, Константин!» и «Да здравствует Конституция!»

Офицеры объяснили солдатам, будто жену Константина зовут Конституцией!

И не успел Николай выйти от матушки, как «явился генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба гвардейского корпуса, и объявил, что Московский полк в полном восстании».

В это время во дворец уже собрались вельможи – присягать.

«Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше и в особенности от Матушки...» (Еще бы! Она уже повидала деяния гвардии – убийство мужа Павла I. – Э.Р.)

Но от жены Николай скрывать не стал. «Зайдя к жене, я сказал: “В Московском полку волнение; я отправляюсь туда”».

Он помнил судьбу отца и деда. И не сомневался: у него один выбор – жизнь или смерть. Может быть, не только его смерть, но и гибель всей его семьи. Он был в исступлении. «Мысли пришли ко мне как бы вдохновением...» Да нет, скорее, он все продумал раньше – в те тревожные дни перед присягой, когда узнал о заговоре.

И он действует. Немедля отправляет собравшихся во дворце командиров полков в казармы – выводить полки верных гвардейцев. Посылает на площадь генералов – уговаривать мятежных разойтись. Отдав распоряжения, набросив на плечи шинель, Николай выбегает из дворца.

На Дворцовой площади он застаёт огромную толпу зевак. «Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и экипажами».

Эта огромная толпа перед дворцом была опасна, ее могли взбунтовать – в любую минуту. Чернь могла отправиться к восставшим на Сенатскую площадь – соединиться с мятежниками или (что страшнее) броситься на беззащитный дворец. «Нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным...

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться».

И Николай начинает читать толпе Манифест о своем восшествии. Толпа в восторге от лицемерия царя, обращающегося к народу. Люди рукоплещут, заглушая овацией, криками «ура!» звуки выстрелов на мятежной площади.

Закончив читать Манифест, Николай пережил «самый ужасный миг».

Он увидел, как к Зимнему дворцу бегом направлялся отряд гвардейцев.

«Толпа лейб-гренадер, предводительствуемая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство».

Но именно в эту минуту во дворе дворца появились верные гвардейцы – пришел Саперный батальон. И встал за новым императором.

Увидев «чужих» (так они называли верных Николаю гвардейцев), гренадеры повернули от дворца и бегом отправились на мятежную площадь.

Эта минута не просто сохранила жизнь всей семье. Николай «увидел в этом знак – милосердие Божие». Вскоре подоспел и батальон верных преображенцев... Николай сел на лошадь, и сам повел батальон к Сенатской площади. Но через сотню метров у арки Главного штаба он увидел гвардейцев из гренадерского полка. Они шли без строя и офицеров – одной огромной толпой со знаменами.

«Подъехав к ним, я хотел остановить гренадеров и построить. Но на мое “Стой!” – они закричали мне: “Мы – за Константина!” Я указал им на Сенатскую площадь. Нельзя было развязать бой напротив дворца на глазах ничего не подозревающих “любезнейшей родительницы” и вельмож. Сколько раз в течение этого дня сердце мое замирало... и единый Бог меня поддержал».

До смерти не простит Николай мятежникам «замирания сердца» – своего унижительного страха.

Он велел перевезти детей из Аничкова дворца в Зимний дворец. В этот день маленький Саша как всегда занимался с гувернером – капитаном Мердером, когда за ним приехала карета. Мальчика быстро одели и повезли в Зимний дворец...

Николай приказал «приготовить загородные экипажи для Матушки и жены». Он решил, «если события будут столь же угрожающи», отправить их с детьми из города в Царское Село.

А пока наш герой с матерью и бабкой сидит в Зимнем дворце в кабинете покойного дяди Александра I. Он капризничает – он голоден... Ему принесли котлетку... Он понимает: что-то происходит, чувствует эту общую тревогу. И ест котлетку.

В это время к Николаю присоединились вернувшиеся с площади генералы. Сообщили страшное: мятежников на площади прибыло – к Московскому полку присоединились двухметровые гиганты-гренадеры. И замкнул мятежный строй только что явившийся на площадь гвардейский Морской экипаж.

Полиция испуганно бездействовала, явно выжидая, чья возьмет. Рабочие, строившие Исаакиевский собор, приветствовали бунтовщиков и закидали камнями царских посланцев-генералов.

Тогда сам губернатор Петербурга, граф Милорадович, отправился на Сенатскую площадь уговаривать. И почти тотчас пришло с площади ужасное известие – убили Милорадовича. Всю войну с Наполеоном отважно провел губернатор, во всех сражениях участвовал, не схлопотав ни одной пули. «Счастливчик» – было его прозвище. И вот убили «счастливчика» не враги, а свои. Он прошел с войной невредимым все европейские столицы, чтобы погибнуть в своей!

Одно счастье – мятежники стояли на площади и не двигались.

Они дали Николаю необходимое время, и вокруг него собрались верные полки.

Но он не хотел вступить на престол в крови. Он посылает самого младшего брата – великого князя Михаила – уговаривать мятежников. Но Михаилу даже говорить не дали, чудом не убили. Дважды выстрелил в него безумец, и дважды пистолет дал осечку. И тогда Николай, окруженный верными преображенцами, сам отправился на площадь уговаривать... Но и ему подъехать мятежники не дали.

«Сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову, и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями».

И тогда Николай отправил в атаку на мятежников верных конногвардейцев, но восставшие сумели отогнать их ружейным огнем.

Между тем начало темнеть.

«Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении».

В это время мать и бабка нашего героя пребывали в страхе. Пока Саша ел котлетку, они сходили с ума от ожидания. Бедной бабке Александра уже все сообщили. Двадцать четыре года назад она увидела изуродованное тело убитого мужа-императора... теперь ей грозило увидеть убитым императора-сына. И рядом погибала от страха за мужа жена Николая, уже выучившая имена убитых гвардией русских государей.

После этого дня у матери Александра навсегда остался нервный тик.

Не выдержав неизвестности, отправили на площадь находившегося во дворце знаменитого Николая Михайловича Карамзина.

Николай Карамзин – вождь сентиментального направления в русской литературе, находясь на вершине литературного успеха, изменил прежней Музе. Теперь он служил новой – божественной Клио. Карамзин стал историком. Именно

здесь его ждало бессмертие. Его мечта – «одушевить русскую историю» – осуществилась. Первое издание его «Истории» было распродано за 25 дней. Изложенная блестящим писателем история России стала истинным открытием для русского общества, источником вдохновения для будущих русских писателей и предметом беспощадной критики для профессиональных историков. Но в тот день автору знаменитой «Истории государства Российского» удалось своими глазами увидеть роковой миг русской истории.

Карамзин вернулся и рассказал о мятежных полках, стоявших на площади в десяти минутах ходьбы от Зимнего дворца... И как собравшаяся вокруг площади чернь воплями восторга приветствовала их успехи... и как в него швыряли камнями, когда он пытался подойти к мятежникам. Торопясь вернуться во дворец (возможно, ему пришлось бежать с площади), Карамзин потерял каблук и, сняв туфли, расхаживал теперь по парадной зале в одних носках. Он был в панике: «Неужто город Петра окажется во власти трех тысяч полупьяных солдат, безумцев-офицеров и черни!!!»

И Николай сделал самую последнюю попытку уговорить мятежные полки... Он прислал во дворец за митрополитом. Митрополит готовился к молебну по случаю восшествия на престол Николая. Теперь вместо этого митрополит в полном облачении отправился на площадь уговаривать восставших. Во дворце нетерпеливо ждали его возвращения. Но митрополит вернулся в отчаянии – ему пригрозили пулями и попросту прогнали с площади.

И состоялось кровавое решение.

«Генерал-адъютант Васильчиков (командующий гвардией), обратившись ко мне, сказал: “Ваше Величество, ничего не поделаешь: нужна картечь!”

– Вы хотите, чтобы я пролил кровь подданных в первый же день моего царствования?

– Чтобы спасти вашу империю, – ответил мне Васильчиков».

Так вспоминал Николай. Но скорее всего это обычная, столь любимая правителями версия, когда нужно ответить за пролитую кровь: «Я не хотел, но советники настояли».

На самом деле Николай любил историю и, конечно же, знал знаменитую фразу Бонапарта. Молодой Бонапарт, наблюдая чернь, захватившую дворец французского короля, сказал: «Какой осел этот король! Нужно было всего-то батарею, чтобы рассеять эту сволочь!» (Побежденный Наполеон оставался кумиром для победителей – русских военных.)

И Николай сам командовал пушками. Он жаждал отомстить за кровь отца и деда. Но главное – за свой страх.

В Зимнем дворце приехавшие присягать знаменитые вельможи в орденах и лентах молча сидели вдоль стен и тягостно ждали – кто победит.

Вдруг огромные окна дворца осветились, будто вспыхнули несколько молний... И раздался глухой удар. Это начали стрелять пушки. Первый выстрел был предупредительным – поверх голов мятежников и пришелся в здание Сената. Ядро застряло в стене... и Николай несколько лет запрещал его вынимать. Оставил на память безумным головам. Восставшие ответили беспорядочным огнем и криками: «Ура, Конституция! Ура, Константин!»

Но уже следующий залп прямой наводкой обратил их в беспорядочное бегство...

Услышав пушечный гром, бабка Александра воскликнула: «Боже мой! Что скажет о нас Европа! Мой сын вступает на престол в крови!» Но младший брат Михаил успокоил «любезнейшую матушку»:

– Это дурная, нечистая кровь!

И все вокруг начали радостно креститься. Вельможи поняли: появился настоящий Хозяин русской земли – строгий царь. И мать велела Саше тоже креститься.

А потом вбежал его отец, обнял бабушку, мать и детей. И все тотчас отправились в Большую дворцовую церковь. А там на коленях молились и благодарили Господа за избавление.

Потом маленького Александра одели в парадный гусарский мундирчик. И камердинер бабушки вынес его во дворцовый двор. Там, освещенные кострами, его ждали отец и гвардейцы... Это был тот самый Саперный батальон, спасший дворец.

Николай, подняв сына своего на руки, воскликнул: «Вот, ребята, наследник мой, служите ему верно». На что отвечали они: «Ура! Великий князь Александр Николаевич!». И тогда Государь повелел, чтобы из каждой роты первый в строю подошел его поцеловать, что и было исполнено.

По очереди они подходили к мальчику и целовали его, царапая шершавыми щеками и обдавая запахом дешевой махорки.

Маленький Саша плакал – ему не нравилось.

Восставших в том декабре в русской истории стали именовать «декабристами». Любовь к ним станет паролем русской интеллигенции.

Декабристы

Но декабристы оставили нам загадку. Почему они стояли на площади в странном бездействии? Почему не напали на дворец, пока верные Николаю полки только собирались?

Разгадка – все в той же особенности заговора гвардии. Хорошо им было мечтать о свободе и Конституции за картами и пуншем, на балах и в гостиных. Теперь они увидели свободу воочию – в образе полупьяных темных солдат, верящих, что Конституция – это жена Константина, и звереющей толпы – разъяренной черни. Чернь уже разбирала поленья строившегося рядом Исаакиевского собора, готовясь приступить к разгрому столицы и, главное, к желанным грабежам. И тогда кровавый призрак не столь уж давней Французской революции встал над мятежной площадью. Призрак террора. И декабристы испугались! Не понимая, что делать, эти гвардейские заговорщики и горстка штатских интеллектуалов

бессмысленно топтались на площади вплоть до выстрелов пушек.

Перед сном маленького Александра повели проститься с папа?... Комната была ярко освещена свечами.

Перед папа? стоял арестованный гвардейский офицер... Руки у него были связаны офицерским шарфом (таким же, как тот, которым задушили императора Павла).

На софе у маленького столика сидел старый генерал – записывал показания арестованного. Допрашивал сам император.

Всю ночь, пока маленький Саша крепко спал, к отцу доставляли арестованных главарей восстания декабристов.

Впоследствии в этой самой комнате маленький Саша будет учиться...

Заря нового царствования

Первое утро в Зимнем дворце. Теперь Зимний дворец стал домом маленького Александра. Воспитатель Карл Мердер ведет его по дворцу... За покрытыми бронзой дверьми кончаются их личные апартаменты... Здесь начинается анфилада парадных залов. За окном Нева, скованная льдом. Из огромных окон тянет ледяным ветром. Низкое кровавое зимнее солнце над Невой. Сверкает лед. Сверкают золотые и серебряные блюда, развешенные у дверей, сверкают каски кавалергардов. Они застыли у колонн, недвижимые, как сами колонны.

Только близкие к царской семье люди имеют право входа «за кавалергардов» — в апартаменты семьи.

Их поставила когда-то императрица Елизавета. И с тех пор кавалергарды стоят здесь уже целых полвека.

Бабушка нашего героя по-прежнему боялась мнения Европы, но Николай успокоил любезнейшую матушку. Он сам написал объявление о случившемся, которое должно успокоить Европу:

«В то время, как жители столицы узнали с глубокой радостью, что Государь Николай Павлович воспринял корону предков, в сей вожделенный день было печальное происшествие, которое лишь на несколько часов возмутило спокойствие в столице. В то время как новый Государь был встречен повсюду изъявлениями искренней любви и преданности, горстка подлецов гнусного вида во фраках...»

И все! Не было никакого восстания, никакой стрельбы, никаких пушек. Было досадное происшествие, не более. Взбунтовалась не гвардия, но всего несколько подлецов – штатских.

Открытие государя

Но ситуация по-прежнему была тревожной. На первых же допросах Николай узнал, что в заговоре были знатнейшие фамилии, потомки Рюрика и Гедимина: князья Волконские, Трубецкие, Оболенские и прочие фамилии, вошедшие в историю России. Их привозили на допросы из сырых от наводнений камер Петропавловской крепости в Зимний дворец, куда еще вчера являлись они на балы и дежурства в парадных мундирах, обвешанные боевыми орденами за подвиги в битвах с Наполеоном.

Ему не было и тридцати. Он отлично знал, как он непопулярен в столице. И рядом с ним – перепуганная, несчастная жена, дурно говорившая по-русски. А за окном дворца – короткие зимние дни, сменяющиеся опасной тьмой, и спесивый, враждебный ему Петербург. И могущественные родственники тех, кто сейчас сидел в Петропавловской крепости.

Николай ожидал ответного удара от этой чванливой петербургской знати, чьи предки убили его деда и отца, ждал продолжения мятежа.

Но случилось неожиданное.

Оказалось, пушки и ядра моментально оздоровили общество. Со всех сторон слышались крики восторга: «Победа! Победа!» Будто неприятельская армия была повержена, а не горстка соотечественников. Молебны заказывали о спасении Отечества! Бывшие друзья, братья, любовники теперь именовались «государственными преступниками», и отцы с готовностью приводили детей к наказанию. «Вокруг не было отбою от добровольцев на роли палачей», – писал современник.

Но особенно усердствовали те, кого называли в обществе «либералами».

Именно тогда Николай понял важный закон русской жизни: если правитель тверд и расправа беспощадна, самыми трусливыми становятся те, кто вчера были самыми смелыми. Поэтому к участию в расследовании мятежа Николай и решил привлечь... вчерашних главных либералов.

Покойный император Александр I в начале своего царствования мечтал о великих реформах – об отмене крепостного права. И граф Сперанский стал тогда его главным сотрудником. Это был великий ум. Наполеон шутливо предлагал императору Александру обменять Сперанского на какое-нибудь королевство. Но потом, когда Александр I пережил свои юношеские мечтания и либералы стали непопулярны, Сперанского начали называть агентом Наполеона и даже вторым Кромвелем. И царь отправил графа в ссылку. Из ссылки опального Сперанского вернули только через 6 лет. Но для общества Сперанский оставался символом прежних либеральных идей. Как выяснилось на следствии, заговорщики хотели сделать будущим правителем республиканской России знаменитого графа Сперанского...

И Николай поставил Сперанского во главе Верховного уголовного суда – определять меру наказания «декабристам». Государь не ошибся в сломленном своими злоключениями вчерашнем либерале. Сперанский составил такой список кандидатов на виселицу, что Николай смог быть милосердным. Царь резко сократил список. Но пятерых все-таки приговорил к смерти. Причем Сперанский предложил четвертовать главных зачинщиков. И опять новый император смог быть милостив – заменил средневековое наказание обычной виселицей.

Но произошло недопустимое – в России разучились вешать. Поэтому виселицу соорудили слишком высокой. Так что пришлось из находившегося по соседству с Петропавловской крепостью Училища торгового мореплавания принести школьные скамейки. Пятеро приговоренных декабристов поднимались один за другим на помост и становились на скамейки, поставленные под виселицей. Каждому обмотали шею веревкой, но когда палач сошел с помоста, в ту же минуту помост рухнул. Двое повисли, но трое других попадали вниз в разверстую дыру, ударяясь о лестницы и скамейки.

Несмотря на все обычаи, решили вешать заново... Помост поправили и вновь возвели на него несчастных упавших.

И герой войны с Наполеоном полковник Муравьев-Апостол сказал, вновь поднимаясь на помост: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!» Под барабанную дробь опять затянули шеи веревками. На этот раз успешно.

Остальные участники осуждены были на каторжные работы, разжалованы в солдаты, утратили дворянство. Вчерашние блестящие гвардейские офицеры очутились на рудниках в Сибири.

Все царствование Николая знатные родственники униженно просили помиловать декабристов. Но царь не слушал молений.

И когда одиннадцать женщин – жены и невесты осужденных – посмели отправиться вслед за мужьями в Сибирь, Николай постарался. Согласно закону о ссыльнокаторжных, аристократки потеряли не только привилегии дворянства, но и самые обычные гражданские права.

Общество должно было уяснить раз и навсегда – власть непреклонна.

И общество уяснило. Ретиво отреклось от мятежников. Даже предалось спасительному сарказму:

В Париже сапожник, чтоб барином стать,

Бунтует – понятное дело.

У нас революцию делает знать —

В сапожники что ль захотела?

– написала вчерашняя знакомая страдальцев – графиня Ростопчина.

После подавления мятежа Николай хорошо усвоил главный урок управления Россией. Урок, который он будет пытаться передать сыну.

«В Европе Государь должен обладать искусством быть то лисою, то львом. – Так учил политиков генерал Бонапарт. – В России – только львом».

Разгром декабристов стал концом политической роли гвардии.

С походами гвардии на дворец было покончено. Теперь покорная гвардия усердно занималась учениями. Николай сделал гвардию похожей на балет.

И, как это ни смешно, балет – похожим на гвардию.

Когда ставили балет «Восстание в серале», кордебалет должен был изображать янычар. Николай повелел научить балерин обращению с саблей. В балет были посланы унтер-офицеры. Балерины восприняли это как шутку. Но Николай не терпел невыполнения приказов даже балеринами. Царь был серьезен. Была холодная зима. Царь повелел сообщить, что нерадивых будут выгонять на мороз – заниматься на холоде – в балетных туфлях. Нерадивых больше не было. Даже среди балерин.

Его приказ. Теперь муха не могла пролететь без его на то повеления.

В Летнем саду, на середине лужайки стоял караульный – гвардеец с ружьем. И Николай однажды поинтересовался: «Зачем он тут стоит и что он тут охраняет?». Никто не мог ответить. Наконец нашелся старик – генерал-адъютант

свиты. Он и вспомнил рассказ своего отца.

Однажды Великая Екатерина прогуливалась по Летнему саду и увидела первый подснежник, пробившийся из-под снега. Она попросила, чтоб цветок охраняли, пока она продолжит прогулку. И так как императрица приказа не отменила, на этом месте полстолетия ставили часового.

Николаю рассказ очень понравился. И он пересказал эту историю тогдашнему послу в России Бисмарку. Добавив, что в дни Великого наводнения в Петербурге часовые, которых не сняли с постов, безропотно тонули в наступавшей стихии.

Приказ русского самодержца – приказ навсегда. И это должны были теперь понимать не только простые солдаты, но и вся страна.

И Бисмарку эта история тоже очень понравилась.

Таков был человек, под властью которого России предстояло прожить тридцать лет.

И тридцать лет суждено было Александру быть наследником престола.

Глава третья

Империя отца

Создание тайной полиции

Новый император, к которому опрометчиво относились с таким пренебрежением, становится одним из самых грозных царей в русской истории. Покончив с ролью гвардии, Николай сделал печальный вывод. Все правители, которые были до него, не знали, что творится в собственной столице.

Заговор и убийство его деда Петра III, заговор и убийство отца – Павла I...

В них участвовало множество людей, но несчастные самодержцы узнавали о беде только в свой последний час. Несколько лет существовал заговор декабристов. Но восстание так и не предотвратили, и оно могло оказаться губительным для династии. Прежняя тайная полиция в России, говоря словами Николая, «доказала свое ничтожество».

И Николай решает создать новую эффективнейшую тайную полицию. И все будущие русские спецслужбы выйдут «из-под николаевской шинели».

Царь задумывает учреждение, которое должно было уметь не только обнаруживать созревший заговор, но и сигнализировать о его зарождении, которое должно было не только узнавать о настроениях в обществе, но уметь дирижировать ими. Учреждение, способное убивать крамолу в зародыше. Карать не только за поступки, но за мысли.

Так в недрах Императорской канцелярии создается Третье отделение.

Граф Александр Христофорович Бенкендорф был тот самый гвардейский генерал, написавший императору Александру I донос на декабристов, с некоторыми из которых граф прятельствовал. Этот донос был обнаружен в бумагах покойного царя – донос, оставленный им без внимания. Его прочел новый император. И Николай оценил труд графа. Бенкендорф приглашен был участвовать в создании Третьего отделения. И вскоре граф – новый любимец нового государя – назначается главой («главноуправляющим») Третьего отделения.

Главнуправляющий граф Бенкендорф докладывал и подчинялся только государю. Более того – все министерства контролируются Третьем отделением.

Петербург не сразу понял всеобъемлющие задачи очень серьезного учреждения.

Было только известно, что, объясняя задачи таинственного Третьего отделения, государь протянул Бенкендорфу платок и сказал: «Осушай этим платком слезы несправедливо обиженных».

Общество аплодировало.

Но уже вскоре столица поняла: прежде чем осушать слезы на глазах невинных, граф Бенкендорф решил вызвать обильные слезы на глазах виновных. И не только виновных, но и тех, кто мог быть виноватым.

Штат самого Третьего отделения был обманчиво мал – несколько десятков человек. Но ему было придано целое войско. Французским словом «жандарм» стали именоваться грозные силы русской тайной полиции... При Третьем отделении был создан Отдельный корпус жандармов. И главноуправляющий Третьего отделения стал шефом этих войск политической полиции.

Но и это было лишь вершиной мощного айсберга. Главная сила Третьего отделения оставалась невидимой. Это были тайные агенты. Они буквально опутывают страну – гвардию, армию, министерства. В блестящих петербургских салонах, в театре, на маскараде и даже в великосветских борделях – незримые уши Третьего отделения. Его агенты – повсюду.

Осведомителями становится высшая знать. Одни – ради карьеры, другие – попав в трудное положение: мужчины, проигравшиеся в карты, дамы, увлекшиеся опасным адюльтером.

«Добрые голубые глаза» – описывал Бенкендорфа современник.

Добрые голубые глаза начальника тайной полиции теперь следили за всем. Случилось невиданное: государь разрешил Бенкендорфу сделать замечание любимому брату царя, великому князю Михаилу Павловичу, за его опасные каламбуры. И обожавший острить великий князь пребывал в бессильной ярости.

Служба в тайной полиции считалась в России весьма предосудительной. Но Николай заставил служить в Третьем отделении лучшие фамилии. И чтобы

голубой мундир жандармов стал почетным в обществе, он часто сажал графа Бенкендорфа в свою коляску во время прогулок по городу. С каждым годом Николай «с немецкой выдержкой и аккуратностью затягивал петлю Третьего отделения на шею России», – писал Герцен. Вся литература была отдана под крыло тайной полиции. Царь знал: с острых слов начинались мятежи в Европе.

Николай запретил литераторам не только ругать правительство, но даже хвалить его. Как он сам говорил: «Я раз и навсегда отучил их вмешиваться в мою работу».

Был принят беспощадный цензурный устав. Все, что имело тень «двоякого смысла» или могло ослабить чувство «преданности и добровольного повиновения» высшей власти и законам, безжалостно изгонялось из печати. Места, зачеркнутые цензурой, запрещено было заменять точками, чтобы читатель «не впал в соблазн размышлять о возможном содержании запрещенного места».

В сознание русских литераторов навсегда вводилась ответственность за печатное слово. Причем эта ответственность была не перед Богом, не перед совестью, но перед императором и государством. Право автора на личное мнение, отличное от государева, объявлялось «дикостью и преступлением».

И постепенно русские литераторы перестали представлять себе литературу без цензуры. Великий страдалец от цензуры, свободолюбец Пушкин искренне писал:

...Не хочу прельщенный мыслью ложной

Цензуру поносить хулой неосторожной.

Что можно Лондону, то рано для Москвы.

Последняя строчка стала почти пословицей... Цензорами работали знаменитые литераторы – великий поэт Тютчев, писатели Аксаков, Сенковский и другие.

Бенкендорф, не отличавшийся любовью к словесности, должен был теперь много читать. Печальное, помятое, усталое лицо пожилого прибалтийского немца склонялось над ненавистными ему рукописями. Сочинения литераторов читал и сам царь.

Царь и глава Третьего отделения становятся верховными цензорами.

Друг государя

О Третьем отделении начинают ходить страшноватые легенды. Утверждали, что в здании на Фонтанке, где оно размещалось, заботливо сохранялась «комната Шешковского» – с удивительным устройством пола.

Шешковский во времена Екатерины Великой был негласным главой тайной полиции. Императрица, переписываясь с Вольтером, отменила пытки, но кнут существовал. И Шешковский нашел ему самое поучительное применение.

Уличенного в вольномыслии дворянина вызывали к сему господину. Шешковский встречал его с превеликим дружелюбием. Сажал в кресло, немного журил за содеянное. Вызванный уже считал, что все счастливо обошлось... Как вдруг Шешковский отворачивался к иконам, висевшим во множестве в его кабинете, и начинал усердно, в голос молиться. И тотчас пол под прощтрафимся господином стремительно опускался. И филейная часть несчастного поступала в полную власть людей с розгами, находившими под полом... Проворные руки спускали штаны, и дворянина, как жалкого раба, пребольно, долго пороли – до крови на заднице. Несчастный кричал от боли, проклинал Шешковского, но палач продолжал преспокойно молиться. После чего те же руки надевали на несчастного штаны, заботливо оправляли платье, и стул с высеченным поднимался. И Шешковский, как ни в чем не бывало, оборачивался и ласково продолжал беседу...

Причем этим дело не кончалось. Вскоре о случае (Шешковский продолжал заботиться!) узнавали в полку. Выпоротый и, значит, по кодексу дворянской чести, обещенный дворянин вынужден был уходить в отставку.

Бенкендорф немного играл в знаменитого Шешковского, когда, глядя своими добрыми глазами, ласково... и беспощадно допрашивал провинившегося.

Как повелось в России, не смея осуждать царя, осуждали холопа. Все были уверены, что беспримерное могущество тайной полиции создал сам Бенкендорф.

И периодически в обществе возникал счастливый слух, что «палач мысли» Бенкендорф, наконец-то, попал в немилость, и Государь его убирает.

Так, после гибели на дуэли нашего великого поэта в обществе упорно говорили, что государь весьма гневается. И оттого, что Бенкендорф не сумел предотвратить дуэль, погубившую гения русской литературы, отставка его решена.

Самое смешное – слуху, видно, поверил и сам всеведающий глава Третьего отделения. И, как положено чиновнику в России во время государевой немилости, Бенкендорф тотчас «тяжело заболел». Общество злорадствовало.

И тогда... сам государь навестил «тяжело больного»! Тотчас в доме Бенкендорфа началось столпотворение. Все те, кто еще вчера радостно кляли графа, бросились засвидетельствовать свое участие. Сотни визитных карточек были оставлены в приемной.

На самом деле это был один из тестов государя – еще одна проверка общества на покорность. Бенкендорф, как и остальные министры, был всего лишь куклой в руках Николая I.

Но когда Бенкендорф умер, государь повелел сделать его бюст. И поставил в своем кабинете. Чтобы не забывали, как ценит государь свою полицию.

Николай относился к России, как учитель к вечно жаждущим нашкодить детям. Он был очень строг и заботился, чтобы дети не очень... выросли. Так ими удобнее было управлять. Как говорил его министр просвещения Уваров: «Если я сумею продлить детство России еще на полстолетия, то буду считать миссию выполненной».

И император с удовлетворением мог подвести итог: «В России все молчит, ибо – благоденствует».

«Сначала мы судорожно рвались на свет. Но когда увидели, что с нами не шутят; что от нас требуют безмолвия и бездействия; что талант и ум осуждены в нас цепенеть и гноиться на дне души, ...что всякая светлая мысль является преступлением против общественного порядка, когда, одним словом, нам объявили, что люди образованные считаются в нашем обществе париями; что... солдатская дисциплина признается единственным началом, – тогда все юное поколение вдруг нравственно оскудело».

Так писал в своем знаменитом дневнике А. Никитенко. Умнейший критик, которому пришлось работать цензором. Никитенко не раз отправляли на гауптвахту за попытку, как он писал, «оказывать тайные услуги литературе». То бишь за недостаточную бдительность.

Его дневник – красноречивый рассказ о том, как время Николая I убивало в человеке талант и энергию, заставляло понять, что «единственная мудрость у нас – это молчание и терпение».

Предтеча большевиков

Идею величия власти олицетворял сам облик императора. «Николай был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо... Черты... выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное – глаза...» (Герцен).

Царственный взгляд Николая I, который до смерти не могли забыть его придворные. Беспощадный взгляд самодержца, которому тщетно пытался подражать наш герой – его сын. И император постоянно пробовал этот взгляд, «имевший свойство гремучей змеи – останавливать кровь в жилах...».

Не наделенный глубоким умом и образованием, отец Александра был наделен чудовищной волей и работоспособностью. В своем кабинете на первом этаже Зимнего дворца он работал до позднего вечера. Спал он здесь же, по-спартански – на железной солдатской кровати, укрытый солдатской шинелью. И, засыпая в кабинете на своей походной постели, он видел мраморный лик верного пса Бенкендорфа.

Николай занимался решительно всем. Но прежде всего он занимался идеологией.

Кроме создания тайной полиции, Николай сделал еще один великий вклад в создание тоталитарного государства. При нем была создана идеологическая формула, которая переживет империю: «Самодержавие, Православие и Народность – вот три кита, на которых должна стоять Россия». Формула была придумана все тем же министром просвещения Уваровым.

И его сыну Александру не раз напомнят об этой бессмертной формуле.

«Народность». Это казалось смешным в империи, где все высшее общество говорило по-французски и самую влиятельную часть двора составляли исключительно немецкие фамилии, где в самих царях было больше 90 процентов немецкой крови.

На самом деле – это было великое изобретение. Рабскому, покорному обществу была дана необходимая игрушка – великая гордость. Страна крестьян-рабов, которых можно было продать, купить, проиграть в карты, была объявлена светочем цивилизации. В многочисленных сочинениях писалось о неминуемом крахе гнилой, устаревшей Европы, в которую только Россия сможет и должна влить свежую кровь. Причем рассуждения рождались совершенно комические – Надеждин, редактор либерального журнала «Телескоп», славил, к примеру, «могущество нашего русского кулака», несравнимого с хилым кулаком европейца. И кулак действительно был могуч – миллионы крепостных ежедневно убеждались в величии отечественного мордобития.

И конечно, славили любимое детище царей – русскую армию – опять же самую великую в мире армию, состоявшую из бесправных крепостных рекрутов, где процветали все те же мордобитие, жесточайшие телесные наказания.

И царь, и полунемецкий двор, говоривший по-французски, высоко поднимают это знамя русского национализма – знамя самодержавия.

Самодержавие объявлено главной причиной несравненного величия России. Русский народ – народ великих царей, русский царь – наследник царей библейских. «Только самодержавие соответствует духу русского народа», – объявил Николай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/edvard-radzinskiy/aleksandr-ii-zhizn-i-smert>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)